

УЛЬВИЯ ГУСЕЙНОВА
Доктор философии по филологии
БГУ
guseynova.u@gmail.com

К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗА НАЦИИ

Açar sözlər: konsept, millət, dialekt, ədəbi dil, etnik kollektiv, yazılı ənənə

Ключевые слова: концепт, нация, диалект, литературный язык, этнический коллектив, письменная традиция

Keywords: concept, nation, dialect, literary language, ethnic group, written tradition

Казалось бы, никаких проблем, связанных с вынесенными в заглавие статьи концептами нет и быть не может. Всё предельно просто. Но оказывается, что просто только в том случае, если исходить из простых вещей. На самом же деле, как показывает практика обозначения различных этнических коллективов нациями или народами, языков национальными литературными или диалектами, – всё совсем не так просто. Можно привести множество примеров из современной нам действительности, даже не обращаясь к историческим фактам. Например, мы говорим о разделенном Азербайджане и о едином азербайджанском народе. Однако южане называют себя *тюрками*, это их самоназвание, так же их называют соседи, прежде всего персы. Все мы помним, какие дискуссии развернулись у нас вокруг нашего имени и названия нашего языка. Причем характерно, что азербайджанцы нетюркского происхождения чрезвычайно эмоционально реагировали на возможность восстановления исторического самоназвания северных азербайджанских тюрков. Известно, что до 1937 г. в паспортах азербайджанцев в графе «национальность» писалось *тюрок* – *türk*. Еще более парадоксальным было отношение к проблеме азербайджанских тюрков, которые почему-то решили, что, если их станут официально именовать *türk*, то перестанут различать нас и турецких турок. Действительно, по-азербайджански и то и другое звучит как *türk*, хотя по-русски эти два этнонима различаются как *турок* и *тюрок*. Но существует и другое мнение, согласно которому, *тюрок/тюрки* – это общее название всех тюркских народов. Так или иначе, но азербайджанцев как исторически, так и в настоящее время все соседи называют *türk*, так же мы и сами себя называли. Проблема усугубляется еще и тем, что сегодня встречаются нередко азербайджанцы, которые считают, что мы

(северные азербайджанцы) и турки-османы – это один народ. Вот почему у азербайджанцев, выступающих против самоназвания *тюрок* (а языка *тюркский*), появляется дополнительный аргумент. Мол, видите, когда о нас говорят *türk*, имеют в виду, что мы и османы – исторически и сегодня один и тот же народ, т.е. нас хотят таким образом лишить самобытности. Внес свою лепту, конечно, и авторитет общенационального лидера азербайджанского народа Г. А. Алиева, заявившего, что турки и азербайджанцы – это одна нация, живущая в двух государствах: *bir millət – iki dövlət*. Одновременно это не помешало изменить название *тюркский* опять на *азербайджанский*. Все мы помним, как при Народном фронте успели выпустить даже учебники для средней школы: «Тюркский язык для русской школы».

Интересно также отметить, что туркмены (братья по огузской семье) почему-то называют азербайджанцев *персами*, причем, на мой взгляд, не без оттенка пренебрежения. Странно, но до революции в России считали, что азербайджанцы – это персы, говорящие по-тюркски.

Что касается языка, то и он не вносит особой ясности. Например, турки считали, возможно, и сегодня так считают, что все тюркские языки являются всего лишь диалектами турецкого языка. Азербайджанский язык, обладающий столь значительной культурной, литературно-художественной традицией, оказывается в этом случае всего лишь диалектом. Но ведь концепт «диалект» коррелирует в нашем сознании с нормативной системой. В таком случае эта модель ломается, ведь язык азербайджанцев не есть территориальная разновидность турецкого языка, единственно обладающего культурной традицией. Азербайджанский язык ни исторически, ни сегодня не воспринимает турецкий язык как собственную нормативную систему. Однако здесь существует еще один момент, заслуживающий упоминания. Дело в том, что диалект как семиотическая система ничем не хуже так называемого *литературного* языка. Если важнейшим критерием литературного языка является нормированность, то ведь диалект также вырабатывает собственные нормы. На наш взгляд, норма – это оптимальный способ означивания, выражения, и формируется во времени и в пространстве. Так что диалекты это тоже нормированные системы. Понятие «узус» как раз и означает норму. Другое дело, что эта норма является таковой на ограниченной территории. Можно предположить, что диалект отличается также от литературного языка отсутствием письменной традиции. То есть культурная традиция характеризует и диалекты, но здесь она носит характер устного народного творчества. Если предположить, что диалекты одного языка объединяются за счет такого критерия, как «понятность», то ведь существуют языки, носители

диалектов которых не понимают или плохо понимают друг друга. Например, специалисты считают, что диалекты немецкого языка значительно отличаются друг от друга. Возможно, *Deutschland über alles* на самом деле содержит призыв к немцам объединяться вокруг единого языка, говорить на едином языке, а не на многих разновидностях. *Deutschland über alles* не означает, что Германия лучше других стран. Это означает, что в жизни каждого немца Германия и общенациональные интересы должны носить приоритетный характер. Не только для себя следует жить, но для всех. Фактически *Deutschland über alles* – это свидетельство гражданского сознания, сознания человека, живущего в гражданском обществе. То есть кто-то дошел до этой формулы, а другие должны были осознать и подтягиваться. С другой стороны, в Германии всегда заметную роль играли землячества. Не свидетельствует ли фактор землячества о сознании отдельности?

Никто до сих пор не может ответить на вопрос *что значит быть евреем?* Вообще, кто такие евреи? Это нация или представители одной религии? В Израиль уехало очень много неевреев, исповедующих иудаизм. Немало существует русских людей, помнящих о том, что они русские, но традиционно молящихся на *лашон-ха-кодеш*, т.е. древнееврейском, библейском и, таким образом, священном языке. Совершенно неясно (хотя многие делают вид, что ясно), кто такие горские евреи. Они себя называют *татами*. Но мы знаем, что таты – это иранская народность, проживающая в Иране и Северном Азербайджане. Я. М. Агарунов, посвятивший много лет изучению истории и языка горских евреев, пишет: «В конце прошлого века, точнее в 1886 году, по официальным данным, на территории Российской империи существовало 34 поселения татов – горских евреев с числом 4090 и с населением 21 100 человек» (1, 11). А в другом месте он пишет: «Тогда, в 1832-1933 гг., в нашей среде, теперь уже в кругах республиканских работников, – я имею в виду работников и нацменсектора АзЦИКа, и отдела пропаганды ЦК, и других, – стал настойчиво обсуждаться вопрос о культурном объединении татов «трех религий» – иудейской (горские евреи), мусульманской (жители Апшерона – Балаханы, Сураханы, Даглы, Хизинцы и др.) и григорианской (жители сел. Кильвар, Матраса и др.). Речь шла об объединении их, независимо от вероисповедания, на основе единого и общего татского языка в одну культуру с единым новым татским алфавитом. Это было очень подкупающее предложение» (1, 129). На протяжении всей книги автор называет горских евреев то *татами*, то *горскими евреями*, нигде не указывая однозначно их этнической принадлежности. В однотомной советской энциклопедии читаем: «ТАТЫ народ в Азерб. ССР (8,8 т.ч.)

и Даг. АССР (7,4 т.ч.), всего в СССР – 22 т.ч. (1979). Яз. татский» (2, 1304). Ну и кто такие эти таты, о которых пишет Энциклопедия, – еврей-семиты или иранская народность? В энциклопедии Брокгауза и Эфрона в статье Бакинская губерния читаем: «В южной части ленкоранского у. живут таты – люди иранского племени, шиитской секты» (4, 772). А в статье на слово *таты* Энциклопедия указывает, что «Таты – народность иранского (персидского) племени, обитающая на Кавказе, в губ. Бакинской (Бакинском и Кубинском уу.) и Елизаветпольской и в южном Дагестане (в Кайтаго-Табасаранском округе)» (5, 682). В статье отмечается, что татский язык «есть не что иное, как испорченный народный говор новоперсидского языка» (5, 682). Отмечается, что таты (персидское племя) исповедуют мусульманскую религию шиитского толка. Статья заканчивается следующим предложением: «Тем же татским языком говорят и горские евреи Дагестана и Бакинской губ» (5, 682).

Кавказских албанцев даже сегодня пытаются убедить в том, что они армяне. Людей, обладающих исторической памятью, пытаются переубедить. Как известно, исторически армяне называли албанцев варварами. Известно, также, что албанская церковь намного древнее армянской и грузинской. На протяжении многих столетий армяне пытались присваивать себе памятники албанской церкви. То, о чем пишет И. Чавчавадзе в книге «Армянские ученые и вопиющие камни», имело отношение не только к грузинской, но и албанской церкви. Но интересно, что грузины используют против албанцев те же методы, что армяне против грузин. Так, существует и грузинская практика претендовать на албанское культурное наследие. Интересно также, что существует мнение о единых корнях кавказской Албании и Грузии. С другой стороны, нет единого мнения относительно принадлежности к грузинской нации мигрелов, сванов и некоторых других этносов. Одновременно грузинские ученые сегодня пытаются убедить себя и других в том, что черкесы-адыги, абхазы и осетины – это тоже грузины, грузинские племена. Ингилойцев грузины также считают грузинами, а некоторые представители ингилойской интеллигенции говорят, что они албанцы.

На протяжении всего XX в. бакинцев характеризовало чувство собственного культурного превосходства над жителями всего остального Азербайджана. Нефтяной бум начала XX в. действительно привел к невиданному расцвету городской культуры. Если бакинцы сегодня обнаруживают европейскую идентичность, то основы такого самосознания были заложены сто с лишним лет назад. Городская культура – это нечто зримое и осязаемое. Мы и сегодня в восторге от старого Баку. Бакинцы и сегодня пытаются консолидироваться и дистанцироваться от всех других. Но, одновременно с этим, сегодня высказываются и

мнения о том, что человек имеет право на самоидентификацию. Мол, если человек говорит, что он бакинец, не стоит выяснять откуда его корни. Совсем недавно один бакинский поэт на полном серьезе говорил о том, что из Баку следует выслать всех, кто не может насчитать семь поколений предков, живших в этом городе. Человек этот пользовался большим почетом в Баку и в прилегающих селах. Одна старая бакинка много лет тому назад говорила, что мать у нее бакинка, отец – из селения Бузовны, т.е. она начисто не считала бакинцами жителей бакинских сел. Высказала она это в разговоре с девушкой из села Хёкмали. На вопрос *Qızım haralısan?* (Откуда ты, дочка?), та ответила *Bakılı*. Тогда женщина спросила: “*Kimlərdənsən?*”, т.е. «из чьих будешь, из какого рода?» Поскольку бакинцами для нее были только жители Крепости, Ичери Шехера, ей было интересно, из какого рода жителей Крепости происходит эта девушка. Когда та ответила, что она из села Хёкмали, старая бакинка резонно возразила: “*Hökməli nə vaxtdan Bakı olub?*”, т.е. «С каких это пор Хёкмали стал Баку?».

Таким образом, сознание бакинцев претерпело изменения уже на протяжении такого короткого исторического времени, как вторая половина прошлого столетия. Сначала бакинцами считались только жители Крепости, затем бакинцами стали считаться и жители бакинских сел. Жители других городов и сел Азербайджана, даже если они жили в Баку столетиями, бакинцами не считались. Но уже на этом этапе бакинцев стало обижать самосознание шушинцев, гянджинцев и др., которые помнили о том, что их корни из Карабаха, Гянджи, Шеки и т.д. Мол, вы давно стали бакинцами, почему же не признаете этого. Необходимо отметить, что в последние десятилетия сознание землячества и самосознание инаковости усилилось. Это стало причиной консолидации и бакинцев, которые традиционно считают себя недружными, разобщенными, лишенными стадного чувства, индивидуалистами. Более того, сегодня всё чаще и чаще бакинцы проявляют толерантность в этом отношении. Как уже отмечалось, они считают, что человек имеет право считать себя принадлежащим к тому или иному культурному сообществу. *Kim özünü haralı sayırsa, elə oralıdır!* В бакинском селении Маштага существует древний квартал, который называется *Seyidlər*. Основное население этого квартала состоит из сеидов, т.е. потомков пророка Мухаммеда. Эти люди считают себя коренными бакинцами, маштагинцев вообще отличает высокое чувство бакинского патриотизма. Гость из Ирака, потомок пророка, сеид, который не переставал удивляться тому, что эти люди считают себя сеидами и одновременно бакинцами. «Но ведь, если так, то они арабы. Они должны признавать это, говорить об этом, они не азербайджанцы». Более того, этот достаточно умный и

образованный человек утверждал, что на свете нет такой нации, как евреи. Мол, мы все арабы. Я спрашивал, может, ты слово *арабы* употребляешь в значении *семиты*? Он отвечал нет. Мы все арабы. Но есть нехорошие люди, сионисты, которые хотят разделить нас. Когда у него спросили: «А как же древний Израиль, Иудея, царь Давид, Соломон и др.?» Он отвечал: «Правильно, они все были, но они все арабы». И на вопрос: «Это твое мнение, или в Ираке все так думают?», он категорично отвечал: «Все!»

Есть логика определения национального литературного языка, поскольку он, с одной стороны, противостоит «чужим» языкам с богатой культурной традицией, на каком-то этапе выполнявших функцию литературного языка «у нас», с другой стороны, территориальным разновидностям «нашего же» языка. Основная функция национального литературного языка в том, что он для всех, он объединяет земли. Если экономика, как нас учат, лежит в основе всего, то важнейшим основанием для формирования такого общего языка является «общая экономика». Общий рынок есть основание для образования нации и национального языка, если, конечно, не усматривать в этом нотки вульгарного экономизма. Однако духовное начало никогда не ослабевает. Вилли Брант свое выступление на Александерплац начал со слов: «Немцы, мы говорим на одном языке. Немцы, мы один народ».

Один ли язык, на котором мы говорим? По-азербайджански понятие «родной язык» передается выражением *ana dili* (буквально: язык матери). Следовательно, литературный язык (разумеется, национальный литературный язык) это чуждый язык (поскольку иные нормы). Ребенок, пришедший в школу и говорящий на языке своей матери, переучивается. Его наказывают (ругают, ставят двойки), если он говорит неправильно (на языке матери). Сегодня в Азербайджане иногда наблюдается анекдотическая ситуация. В школах Баку преподает немало беженцев из Карабаха, или просто выходцев из других районов Азербайджана. Все они говорят на своих диалектах, а детей наказывают за то, что они говорят правильно. Это проблема сознания, они говорят на языках своих матерей и не рефлексировать по поводу правильности, т.е. понятие общенациональной нормы отсутствует.

У И. А. Бунина есть один рассказ о том, как помещик приходит навестить ставшего калекой крестьянина. Кажется, рассказ называется «Мухи». На крестьянина упало тяжелое дерево, после чего отнялись ноги. В жаркий летний день он лежит в постели и воюет с мухами. Барин тяжело переживает случившееся. «И все-таки это ужасно, то что произошло с тобой» - говорит он. «Да нет, - отвечает тот, - Это только

ваше мнение». Вообще, всё в жизни это только мнение. Кем мы себя мним, к кому причисляем – тоже только мнение. Но человек действительно имеет право считать себя кем-то. Самоидентификация или ее возможность и на самом деле есть проявление толерантности. Это только мнение о себе.

Академик А. А. Шахматов считал, что русский национальный литературный язык – это перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык (3, 60). Разумеется, на русской почве он веками смешивался с «живым народным языком». Автор вступительной статьи к книге А. А. Шахматова С. И. Бернштейн считает неточной «характеристику ассимиляции древнеболгарского языка русскому народному языку X-XI веках, как претворения древнеболгарского языка в русский национальный язык» (3, 60). – «Для того, чтобы язык стал национальным, необходимо чтобы социальный коллектив, которому этот язык принадлежит, составлял нацию» (3, 60).

Существует «мудрое» решение проблемы. В этом случае национальность приравнивается к гражданственности. Быть гражданином США означает принадлежать к американской нации. А национальный литературный язык – это тот язык, на котором мы говорим, вроде английский, но наш свой английский. Действительно, очень демократично. Опыт и анализ литературы вопроса свидетельствует о том, что величайшей ошибкой является начало и развитие дискуссий на темы нация и национальный литературный язык, диалект и историко-культурные сообщества. Люди всегда к чему-то тянутся. Если исходить из предпочтений, то всё складывается естественным путем. Любой другой путь чреват неопределенностью, которой нет конца. Дело в том, что эти неопределенности создаются дискурсивными практиками, которые всегда ангажированы.

Но в конечном счете и они создают культурные традиции, в рамках которых кому-то вольно реализовываться. Следует также признать, что государство в такой ситуации играет цивилизаторскую роль. Иными словами, государство создает традицию, которую поддерживает. Эта традиция должна быть единой и носить фундаментальный характер, т.е. люди, населяющие страну, должны добровольно объединяться вокруг нее.

После Великой французской буржуазной революции было признано, что во Франции живут только французы, и языком Франции является французский язык. Люди, желающие жить в стране, обязаны приобщаться к существующей культурной традиции. Ведь не случайно в пространстве лингвистической теории о литературных языках появляется концепт «норма». В сознании говорящего коллектива

данный концепт должен ассоциироваться со всей совокупностью элементов значения слова *норма*. Важнейшим из них является «обязательность».

Литература

1. Агарунов Я. М. Большая судьба маленького народа. М.: Чоро, 1995.
2. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
3. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941.
4. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Том 2. СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1890.
5. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Том 32. СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1891.

Ü.Hüseynova

Millət obrazının mifləşməsi məsələsi haqqında

Xülasə

Məqalə koqnitiv dilçilik problemlərinə həsr olunub. Diqqət mərkəzində dünyanın dil mənzərəsini təşkil edən fundamental konseptlər dayanır. Məqalədə “millət” konseptinin dildə verballaşması izlənilir. Aparılan təhlil göstərir ki, “millət” obrazının təhlili ən çətin problemlərdən biridir, müxtəlif etnik kollektivləri adlandırma, dilin ədəbi dil və dialekt olmasının müəyyənləşdirməsi aktual və həllini gözləyən məsələlərdən biridir. Məqalədə həm çağdaş dövrümüzə bağlı nümunələr, həm də tarixi faktlar göstərilir, “millət” obrazının formalaşmasında ədəbi dilin və dialektlərin rolu göstərilir. Məlumdur ki, ədəbi dilin əsas meyarı normaya malik olmasıdır, amma dialektin də özünəməxsus normaları olur. Digər tərəfdən məqalədə göstərilir ki, bu norma məhdud ərazinin normasıdır. Dialektin ədəbi dildən əsas fərqi yazılı ənənənin olmamasıdır. Mədəni ənənə dialektin gösticisidir və özünü şifahi xalq ədəbiyyatı şəklində ifadə edir. Bu məsələ ilə bağlı ədəbiyyatın təhlili və təcrübə göstərir ki, millət və ədəbi dil, millət dialekt, millət və mədəni birlik mövzusunda diskussiyanın aparılması səhvdir. Dövlətdə ənənə bir olmalıdır və fundamental xarakter daşıyır. Kollektiv təfəkkürdə “millət” konsepti norma sözündə birləşən mənalarla assosiasya olunmalıdır. Bu mənalardan ən vacibi də mütləq olmasıdır.

U.Huseynova

To the question about mythology image image

Sammary

The article is devoted to the question of the mythological image of the nation. It is noted that the question of the designation of various ethnic groups by nations or peoples, languages by national literary or dialects is a rather complex and extraordinary problem. The article provides many examples from contemporary reality, as well as historical facts, where the role of the literary language and dialect in shaping the image of a nation is given. The most important criterion of the literary language is normalization, but the dialect also produces its own norms. A norm is the optimal way of meaning, expression, and is formed in time and in space, in which case dialects are also normalized systems. The concept of "usus" just means the norm. On the other hand, the article shows that this rule is such in a limited area. The dialect also differs from the literary language in the absence of a written tradition. Cultural tradition also characterizes dialects, but here it has the character of oral folk art. The experience and analysis of the literature of the question indicates that the beginning and development of discussions on the themes of the nation and the national literary language, dialect and historical and cultural communities is a mistake. the state creates a tradition that it supports. In the state, the tradition should be unified and be fundamental, i.e. people inhabiting a country should voluntarily unite around it. In the mind of the speaking team, this concept should be associated with the entire set of elements of the meaning of the word norm. The most important of these is "bound".

Rəyçi: Elbrus Əzizov

Filologiya elmləri doktoru, professor